

О. Л. Лейбович ^а

ORCID: 0000-0001-5191-939X
✉ oleg.leibov@gmail.com

А. И. Казанков ^а

ORCID: 0000-0002-6647-5047
✉ tokugava2005@rambler.ru

^а Пермский государственный институт культуры
(Россия, Пермь)

«ИНКВИЗИТОРСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ» КАК ГЕНЕРАТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. Статья посвящена использованию в исторических исследованиях эго-документов, полученных в ходе осуществления следственных действий. Для обозначения происхождения источников этого типа вводится понятие «инквизиторская антропология». В содержание этого термина входят практики наблюдения, агентурного осведомления, работа с доносами частных лиц, допросы подозреваемых и сбор свидетельских показаний. В статье представлены генезис подобных практик, их родовые свойства и видовые отличия. Дана характеристика свидетельств, формируемых «инквизиторской антропологией», и обоснована необходимость научной критики источников этого типа. В статье представлены ситуации, в которых обращение к источникам «инквизиционного» происхождения не имеет альтернатив. Особое внимание уделено анализу архивно-следственных дел и протоколов партийных собраний, сформированных в советской России в 1930-е годы.

Ключевые слова: антропология, инквизитор, исторические источники, эго-документы, российская история, советская эпоха, повседневность, ересь, архивно-следственные дела, партийные собрания

Для цитирования: Лейбович О. Л., Казанков А. И. «Инквизиторская антропология» как генератор исторических нарративов советской эпохи // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 198–214. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-198-214>.

*Статья поступила в редакцию 8 января 2021 г.
Принято к печати 27 мая 2021 г.*

O. L. Leybovich ^a

ORCID: 0000-0001-5191-939X
✉ oleg.leibov@gmail.com

A. I. Kazankov ^a

ORCID: 0000-0002-6647-5047
✉ tokugava2005@rambler.ru

^a Perm State Institute of Culture
(Russia, Perm)

INQUISITORIAL ANTHROPOLOGY AS GENERATOR OF HISTORICAL NARRATIVES OF THE SOVIET ERA

Abstract. The article focuses on the use in historical research of ego-documents obtained in the course of investigative activities. The term “inquisitorial anthropology” is introduced to denote the origin of sources of this type, and comprises the practices of observation, intelligence from informers, private denunciations, interrogations of suspects and collection of witness testimonies. The article presents the genesis of such practices, their generic properties and species differences. The characteristics of evidence resulting from inquisitorial anthropology are described and the necessity of scientific criticism of this type of sources is substantiated. They are biased, one-sided and contain falsifications. The article offers criteria to distinguish spontaneous authentic speech from its deformation by an unscrupulous investigator. Spontaneous speech is characterized by vagueness, the presence of dialectisms, and repetitions. In relation to the objectives of the investigation it contains redundant information. The article analyses the obvious signs of falsification of investigative materials. The article presents situations in which there are no alternatives to inquisitorial sources. Particular attention is paid to the analysis of archival and investigative files and minutes of party meetings from the 1930s in Soviet Russia. The article points out possible subject fields for everyday historians who use materials from inquisitorial anthropology as sources: structures of mentality, everyday practices, human subjectivity, types of social behaviour and everyday communication. The article addresses the problems of research ethics for historians working with materials of “inquisitorial anthropology”.

Keywords: anthropology, inquisitor, historical sources, ego-documents, Russian history, Soviet era, everyday life, heresy, archival and investigative files, party meetings

To cite this article: Leybovich, O. L., & Kazankov, A. I. (2022). Inquisitorial anthropology as generator of historical narratives of the Soviet era. *Shagi / Steps*, 8(3), 198–214. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-198-214>.

Received January 8, 2021
Accepted May 27, 2021

В последние годы исследования по истории повседневности занимают все более заметное место в историографии советской эпохи. Настоящая статья задумывалась в первую очередь как обобщение практического опыта работы с архивно-следственными делами, относящимися к 1930-м годам, которые хранятся в Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ). Среди фигурантов дел — крестьяне, церковные люди (в широком смысле)¹, инженеры, партийные работники, рабочие — т. е. представители фактически всех категорий населения, проживавшего в западных районах Свердловской области (ныне относящихся к Пермскому краю).

Далее, нам хотелось обосновать возможность использования в качестве это-документов свидетельств, сформированных в контексте «инквизиторской антропологии». Проясним происхождение этого термина. Одним из первых историков, обративших внимание на определенное сходство исследовательских процедур, применяемых основателями эмпирической антропологии и агентами апостольской инквизиции, был К. Гинзбург: «...следственные материалы светских и церковных судов сопоставимы с записными книжками антропологов, фиксирующих полевые исследования, проведенные столетия назад. Было бы интересно проверить эту аналогию между инквизиторами и антропологами, а также между подсудимыми и “туземцами”» [Ginzburg 1990: 156]. В российской гуманитарной традиции рецепция этого концепта начинается в первые годы XXI в. — А. А. Панченко [2001] отреагировал на текст К. Гинзбурга, заметив принципиальные этические различия в основании подобных по форме исследовательских практик.

Тогда же один из авторов данной статьи, занимаясь разысканиями об истории иудейской общины в средневековой Европе, наткнулся на упоминание любопытного документа. Это был указ недавно учрежденного трибунала инквизиции в Севилье, обязывавший всех добрых католиков немедленно донести на известных им «лицемерных христиан». Речь шла о «конверсо», т. е. новообращенных евреях. Далее следовал перечень из 37 пунктов, в которых перечислялись ситуации, когда донос становился неизбежным. По мнению ученых каноников, каждый из них указывал на тайную приверженность новых христиан к прежней религии. Список касался специфических пищевых предпочтений, используемой символики, ритуалов перехода (рождение, брак, погребение), одежды и обуви, гигиенических навыков, праздников календарного цикла. Например: «Если он ест мясо в дни Великого поста или в назначенное для воздержания время без необходимости и думая, что это можно делать, не оскорбляя Бога»; или: «Если он читал псалмы Давида, не говоря в конце: слава Отцу и т. д.»; «Если в смертный час он повертывает лицо к стене или если кто-нибудь другой кладет в такое положение раньше, чем он испустит дух» [Льоренте 1936: 125–128]. Приведенные примеры действительно напоминают результаты полевых наблюдений профессионального антрополога. Отметим, что в городской среде Арагона и Кастилии в конце XV в. выделить черты тайного иудея было совсем не просто: «Гости из Северной Европы (<...> считали испанцев смешанной категорией людей, живущих в одном месте. <...>

¹ Церковно- и священнослужители, церковный актив из мирян, а также «активные церковники», не имеющие в церкви какого-либо статуса: авторитетные верующие, бродячие проповедники («странники»), юродивые.

Культурных пересечений имелось множество. В Кастилии евреи часто спонсировали христиан при крещении, христиане отвечали тем же при еврейских обрядах обрезания» [Грин 2010: 43–44].

Родство антрополога и инквизитора отмечалось в литературе еще в 1970-е годы². И тот и другой наблюдает и расспрашивает, вынуждая людей свидетельствовать о себе и о других. Антрополога так же занимает «все, что угодно» в образе жизни, верованиях, обрядах, питании и т. п. Тем не менее именно материалам, вышедшим из-под пера инквизиторов, мы обязаны появлением целого ряда работ, ставших значимыми событиями в современной историографии [Гинзбург 2000; Ле Руа Ладюри 2001; Тогоева 2016; Зеленина 2018]. В контексте нашего исследования принципиально важно подчеркнуть, что реальные инквизиторы, жившие в эпоху позднего Средневековья или раннего Нового времени, при решении своих ограниченных, строго фокусированных задач вынужденно и явно ненамеренно оставляли целый пласт ценной антропологической информации.

Поэтому номинация *инквизитор* далее будет использоваться как метафора любых сотрудников карательных органов, отнюдь не только средневековых. Сталкиваясь с необходимостью выделить группу, отмеченную чем-то трудноуловимым (например, «революционностью» в XIX в., «контрреволюционностью» в веке XX), они используют схожие приемы и оставляют похожие свидетельства. После покушения Дмитрия Каракозова высшая полиция Российской империи (синоним III Отделения собственной Е. И. В. канцелярии) проявляла аналогичную наблюдательность: «На столичных улицах стало небезопасно появляться “по-нигилистически” одетыми. Стриженных барышень в синих очках, круглых шляпах и платьях без кринолина предлагалось препровождать в полицейское управление и брать с них подписку о “неношении помянутой одежды”» [Щербакова 2008: 87]. Сельский писарь, не бравший взятку, также выглядел подозрительно в глазах местных властей [Тихомиров 1930: 100–103].

Отметим, что отличительными чертами «инквизиторской антропологии» является прежде всего необычный для других источников объем информации, являющийся следствием «расфокусированности взгляда» наблюдателя. «Инквизитора» могут интересовать самые неожиданные вещи: фасон шляп, ширина бород, еда, отступления от обычных брачных церемоний, произносимые (или пропущенные) в заданных обстоятельствах слова (разговоры или молчание на партийных собраниях, на исповеди, в газетных статьях и пр.), нормальное и аномальное в поведении. «Инквизитор» обращает внимание на круг знакомств, фиксирует условия быта, состав библиотеки без разбора и без формализованного сценария следственной процедуры. Он буквально всеяден, в его поле зрения попадает все, что подозрительно. А подозрительно, как известно, все, что вызывает подозрение.

В противном случае он беспомощен. Российская полиция, в 1860–1870-е годы набившая руку на поимке «длинноволосых пропагандистов», оказалась не в состоянии вычислить членов народовольческой организации — поскольку по конспиративным соображениям те одевались как «приличные люди».

² Имеется в виду предисловие «От инквизиции к этнографии» к первому изданию «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)» Э. Ле Руа Ладюри, опубликованного во Франции в 1975 г. (рус. пер.: [Ле Руа Ладюри 2001]).

Когда содержатель подпольной типографии Н. К. Бух «выходил на улицу, вид у него был настолько внушитель, шуба настолько хороша и золотое пенсне так удобно помещалось на носу, что дворник издала приподнимал шапку...» [Иванова-Борейшо 1927: 15].

Другой важной чертой «инквизиторской антропологии» следует признать присутствие в ней своего рода *causa finalis*. Ею движет не жажда истины, а властная директива: любыми доступными способами найти квалифицирующие признаки преступного деяния. Она ангажирована по определению.

Добавим к этому неизбежное присутствие в «инквизиторском» нарративе самого автора. Он предьявляет в тексте свою позицию, культурный горизонт и уровень, речевой тезаурус и языковые клише определенной среды и своего времени. Он односторонен и предвзят, что обычно заставляет предположить возможность появления фальсификатов разного рода (вымышленные показания, искаженные биографические данные, несовершенные поступки) [Лейбович 2018]. Даже самые обыденные практики, наподобие дружеской попойки, могут подвергнуться криминализации и превратиться, например, в «контрреволюционное сборище» [Блюм 2011: 91].

В связи с этим возникает серьезная исследовательская проблема — как и для чего исследователь вынужден пользоваться материалом, вышедшим из-под пера «инквизитора»? И, далее, какие именно исследовательские задачи требуют привлечения таких документальных свидетельств?

На последний вопрос ответить просто, признав действительность «антропологического поворота» в историографии. Реконструкция индивидуальных биографий, жизненных миров и повседневных практик отдельных индивидов, небольших социальных групп неизбежно основывается на том типе источников, которые обычно обозначаются как эго-документы. По мнению Ю. Л. Троицкого, «Под эго-документом понимается такой тип текста, в котором доминирует авторская (субъектная) составляющая линия. (...) К эго-документам относятся личные дневники, переписка, мемуары, исповедальные нарративы и некоторые пограничные жанры» [Троицкий 2014: 14].

Сделаем необходимое уточнение. Мемуарная литература, создаваемая на изрядной временной дистанции от пережитого, несет на себе неизбежный отпечаток времени написания, «последующего опыта» автора³.

Вернемся к упомянутым Ю. Л. Троицким «некоторым пограничным жанрам». Нарративы, составленные «инквизиторами» разного рода, вполне

³ В этой связи любопытен казус А. С. Норова, на склоне лет вступившего в заочную полемику с автором романа «Война и мир». Среди многих прегрешений Л. Н. Толстого против исторической правды ветеран войны 1812 г. обнаруживает психологическую недостоверность сцены, где главнокомандующий русской армией перед генеральным сражением читает французский роман. По мнению сурового критика, вряд ли полководец, «находясь накануне решительной, ужасной битвы, имел бы время не только читать, но и думать о романах г-жи Жанлис». И не только военачальник. «Разговоры наши заметно были серьезны. Всякий чувствовал, что он стоит на рубеже вечности» [Норов 1914: 27, 32]. Когда же после смерти действительного тайного советника А. С. Норова разбирали его бумаги, в библиотеке нашли «французский роман, на форзаце которого рукой самого Норова по-французски же написано: “Читал в Москве в 1812 г.”» [Бендерский б. д.]. Казалось бы, мемуарист, участник Бородинского сражения, одернул беллетриста по праву ветерана-инвалида. Но, как выяснилось, точнее оказался все-таки граф Толстой.

вписываются в рамки эго-документов. Согласимся с точкой зрения, что «любое историческое свидетельство, дающее возможность “услышать” человека, заявляющего о себе, может идентифицироваться как эго-документ, даже если оно явилось результатом какого-либо внешнего принуждения, повлекшего, например, возникновение прошения или протокола допроса» [Алеврас 2014: 43].

Известны даже случаи, когда следственные материалы прямо включались в мемуары. В воспоминания В. Н. Фигнер, например, попала расшифровка стенографической записи последнего слова обвиняемой в суде, там же упомянуты ее собственноручные показания, данные во время предварительного следствия: «Я предложила не вызывать меня из крепости, а давать бумагу и чернила в камеру, где я могу написать все, что найду возможным, сдавая листы по мере их написания зрителю». Объясняя мотивы появления собственноручных показаний в материалах следствия, Фигнер писала: «Наступил момент исполнить, чего бы это ни стоило, последний долг перед разбитой партией и погибшими товарищами — сделать исповедание своей веры, высказать перед судом нравственные побуждения, которые руководили нашей деятельностью, и указать общественный и политический идеал, к которому мы стремились» [Фигнер 2019: 343, 359–360]. Разумеется, свидетельства эти появились в суровых условиях заключения в крепости и под жестоким внешним давлением, но едва ли стоит сомневаться в том, что перед нами вполне аутентичный эго-документ.

Остается по возможности точно зафиксировать ситуацию, когда материалы «инквизиторской антропологии» становятся безальтернативными. Она типична для тех периодов и тех местностей, где (и когда) только репрессия и связанное с ней дознание выводили из тени безвестных акторов исторического действия. Например, в Советском Союзе в 1930–1940-е годы, кроме узкого круга лиц, принадлежащих, как правило, к верхушке творческой (или выходящая из старой) интеллигенции⁴, обитатели российской провинции — от крестьян до инженеров, от рядовых партийцев до представителей партийной номенклатуры — крайне редко вели дневники, если не относить к дневниковым записям тексты, сочиняемые по директиве и под контролем партийных комитетов. «Молодым партийцам и комсомольцам, только что освоившим грамоту, вменяли в обязанность вести записи об общественной работе, трудовых достижениях, конспектировать партийные передовицы и проч., а затем предъявлять их партийному начальству, журналистам, литераторам» [Кабацков, Лейбович 2019: 16]. Подобные идеологически стерильные документы публиковались в СССР еще в 1970-е годы [Катаева 1978]. Клаус Менерт, немецкий журналист консервативного направления, не только беседовал с московскими студентами, но и познакомился с их дневниками. После чего сделал вывод: «Большинство студентов воодушевлены большевизмом и его великими задачами; они готовы и впредь жертвовать материальными благами [для этой цели]» [Mehnert 1932: 33]. Исследователь советской субъектности Й. Хелльбек вполне с ним солидарен [Хелльбек 2017].

⁴ Представление о количестве и авторстве дневниковых записей советской эпохи можно составить на основе сайта «Прожито. Личные истории в электронном корпусе дневников» (<https://prozhito.org>).

Заметим также, что по официальной статистике соотношение городского и сельского населения в СССР в предвоенные годы (с учетом последствий коллективизации и форсированной индустриализации) составляло соответственно 53,1 и 108,9 млн человек — фактически 1:2 [Старовский 1956]. То есть большинство населения проживало в деревне. В культуре городских жителей первого поколения доминировал сельский этос.

Рядовых советских граждан в 1930-е годы быстро приучили избавляться от любой неподцензурной корреспонденции. Вот, например, типичный образец поведения, сохраненный для нас, кстати, протоколом допроса⁵:

Вопрос: С кем священник Хвостов имел переписку, и где у него находятся письма, так как при обыске обнаружены не были?

Ответ: Мне известно, что он имел систематическую переписку только с Русиновой, и получаемые письма после того, как им прочитывались, немедленно уничтожал и их читать никому не давал [Протокол 1937. Л. 21].

Добавим, что письменная культура в эти годы не была культурой всеобщей. В середине 1930-х годов после официально объявленной ликвидации безграмотности множество мужчин и женщин не умели ни читать, ни писать. В докладе на V партийной конференции ВКП(б) секретарь пермского горкома партии А. Я. Голышев возмущался:

Мы в Перми посылали рапорты т. Кабакову⁶, Центральному Комитету партии, тов. Сталину, Калинину, Молотову о том, что Пермь стала городом и районом сплошной грамотности. Что из этих рапортов получилось? Из этих рапортов получился пшик, а если говорить на партийном языке, то самое наглое очковитительство.

Что у нас получается, количество малограмотных доходит до 15 000 человек, количество неграмотных, а этому подсчету не верю, доходит до 5000 чел. Я утверждаю, что эта цифра гораздо больше по Перми и по району [Стенограмма 1936. Л. 44].

В такой ситуации историк, работающий в антропологической парадигме, может добраться до «маленького человека» только в тех случаях, когда интересующий его персонаж отчитывается на партийной чистке [Хархордин 2002], разоблачается на партийном собрании, фигурирует в сообщениях осведомителей, допрашивается следователем ОГПУ — НКВД, пишет собственноручные показания и жалобы в вышестоящие инстанции. Все эти материалы содержатся либо в протоколах партийных собраний разного уровня, либо в архивно-следственных делах. Мы исходим из того, что «инквизиторские» практики были характерны в равной степени и для партийных, и для карательных органов, на основании общего родового признака: и в том и в другом случае объектом пристального внимания становился уличаемый персонаж во всем многообразии своих индивидуальных проявлений.

⁵ В цитатах из источников сохранены оригинальная орфография и пунктуация.

⁶ И. Д. Кабаков в 1936 г. — секретарь Свердловского областного комитета ВКП(б).

Подчеркнем еще раз: было бы крайне желательно и удобно, чтобы бродячий проповедник из села Усть-Кишерть вел ежедневные записи, священник из рабочего поселка Бым писал своему духовнику пространные реляции с обильной рефлексией, а конюх из села Култаево сочинял нежные и лиричные письма своей невесте. Но они этого не делали, как, впрочем, и инженеры завода № 172, с утра до поздней ночи занятые в конструкторском бюро. И это как раз тот случай, когда исследователю не к чему обратиться, кроме материалов «инквизиторской антропологии». Поэтому историку советской повседневности приходится разрабатывать технологии анализа источников подобного рода, формировать опыт их критической интерпретации.

Первая проблема, с которой он непременно столкнется, заключается в необходимости различения аутентичной, спонтанной или, напротив, деформированной «инквизитором» речи. Никаких априорных признаков их различения не существует. Опыт вчитывания в протоколы допросов и партийных собраний позволяет наметить эти признаки лишь в самых общих чертах. Например, маркером аутентичной речи обычно выступают простота изложения, наличие диалектизмов, сбивчивость, повторы, явные противоречия (при всей относительности каждого из этих признаков), рассогласованность сложившегося у исследователя образа персонажа и относимых к нему вербальных конструкций.

Вот образец собственной речи протоиерея И. И. Котельникова, взятый из его рукописной книги «Кончина мира». Здесь он высказывается по поводу своей излюбленной темы — второбрачия священников — и о браках вообще:

Пред пришествием господним браки будут претпотопны, люди будут праздновать свадьбы хотя они и христиане но на браке своем забудут о Христе и о своем христианском звании, и о вечной своей судьбе. Это горкое сожаление христиан не по христиански проводят брак. Введено будет на браках как прет потопом. Так и пред пришествием Христовым в 2 м. Балы, с пьянством и нескромной пляской, с музыкальной игрой и картежной, даже к этому допустят себя и новобрачные [Котельников 1932. Л. 339–340].

А вот речь этого же человека в изложении начальника 3-го отделения секретно-политического отдела Управления ГБ полномочного представительства ОГПУ по Свердловской области М. Г. Купер-Михеева:

Для наиболее успешной борьбы с советской властью — я объединил вокруг себя часть духовенства, наиболее реакционное монашество и верующих кулаков и из них создал группу до 30 человек [Машинописная 1933. Л. 72–77].

Обороты «реакционное монашество» или «верующие кулаки» взяты из партийной печати и не могли быть произнесены И. И. Котельниковым. Построение фразы книжное, не свойственное устной речи приходского священника — выходца из крестьянского сословия. В данном случае фальсифицированы лексика и синтаксис. Поэтому исходное показание не может быть восстановлено и не должно приниматься во внимание как фиксация факта. Человек как таковой не интересен Купер-Михееву. Ему проще заместить речь

подследственного своей собственной — газетной, определенной, грамотной, более подходящей для квалификации состава преступления.

На партийных собраниях использовался иной прием. Обвиненному в потере политической бдительности товарищу предоставляли слово, но в протокол выступление не заносили, замещая клишированными обличающими оборотами. Так, в партийной организации Кизеловского отдела НКВД речь оперативного работника, обвиненного в связи с «немецким шпионом», т. е. с его тестем, в протокол записали следующим образом:

Поносов в своем выступлении не стремился признать допущенные им политические проступки и преступления, а все свое выступление построил на прямых двурушнических и обывательских оправданиях, продолжая перед всем партийным собранием скрыть свою связь с врагами народа — шпионами, правыми, кулаками и т. д., пытаясь подтвердить свое двурушническое выступление незнанием и др. оппортунистическими ссылками, не доверяя органам НКВД в верности ареста и виновности его Поносова родственников [Протокол 1938. Л. 48].

Если бы упомянутая выше речь В. Н. Фигнер в суде протоколировалось как выступление Поносова или показания Котельникова, у нее не было ни малейшего шанса войти в историю российского освободительного движения.

Опыт длительной работы с нарративами, вышедшими из-под пера ограниченного круга «инквизиторов» (например, сотрудников 3-го отделения Секретно-политического отдела Управления Государственной безопасности Полномочного представительства ОГПУ по Свердловской области) может постепенно сформировать у исследователя представление об индивидуальном стиле работы, «почерке» каждого из них. Барственное пренебрежение по отношению к подследственным М. Г. Купер-Михеева проявлялось не только в том, что он никого из них не слушал, бойко замещая аутентичную речь казенными конструкциями, что противоречило ведомственным инструкциям. Он, например, даже не удосуживался каждый раз вносить в протокол анкетные данные, просто перечеркивая крест-накрест первый лист соответствующего бланка. В свою очередь, представление о следователе формирует презумпцию по отношению к написанным им протоколам.

Под началом М. Г. Купер-Михеева в то же самое время служил Н. И. Николаев. В отличие от своего шефа, он каждый раз аккуратнейшим образом заполнял анкетные данные арестованного, добросовестно записывал именно то, что ему говорили. Его очень интересовали люди, и не только как субъекты права, но и как моральные субъекты. Именно поэтому он иногда позволял себе то, к чему отнюдь не обязывал его служебный долг, — вел с ними дискуссии на темы нравственности, иногда занимая в них довольно необычную позицию:

У Вас изъята переписка с Натальей Пирожковой (имя изменено. — О. Л., А. К.) и ее сожительницей Маней. Они Вам пишут, что Вы им запретили вместе спать друг с другом. Какое Вы имеете право насиловать волю тех или иных женщин? —

спрашивает он у подследственного [Дополнительные 1934. Л. 26].

Н. И. Николаев никогда не переспрашивал подсудимых, когда те, например, упоминали локальные религиозные праздники. Например, подсудимый упоминает о встрече с епископом «в рел. праздник “9-я пятница”» [Протокол 1935а. Л. 38]; оперуполномоченный не уточняет дату. Не уточнял он и смысл диалектизмов. Согласно все тем же инструкциям следователь должен был уточнить и расшифровать в протоколе все непонятные слова. Промаскальзывание в протоколы диалектизмов означало то, что они следователю были очевидны.

В целом протоколы Николаева отличает то, что в них обнаруживается информация, не мотивированная задачей следствия, но весьма ценная для историка повседневности. Это, по нашему мнению, не являлось индивидуальным почерком Н. И. Николаева. Многие следователи ОГПУ — НКВД не цензурировали показаний, во всяком случае, до начала массовых операций 1937–1938 гг., когда сроки следствия были радикально урезаны. Так, в протокол допроса инженера А. Г. Баранова включен его рассказ о том, как он покупал костюм в Берлине, отправляясь в служебную командировку в США [Колчанова 2017: 82]. Подобные маргиналии, не вписывающиеся в *corpus delicti*, свидетельствуют об аутентичности занесенной в протокол речи подсудимого.

Напротив, следственные фальсификаты выстроены логично и последовательно. Их текст оптимизирован по отношению к поставленной задаче. В них не встретишь бытовых подробностей, все упомянутые персонажи являются сообщниками, а все отношения находятся в поле делинквенции. В протоколе допроса бывшего первого секретаря Свердловского обкома И. Д. Кабакова объемом в 45 машинописных листов, во-первых, объясняется участие высокопоставленного функционера в заговоре против советской власти и в шпионаже в пользу нацистской Германии. Его в 1928 г. обидели:

Будучи до приезда на Урал секретарем Тульского Губкома ВКП(б), я считал свою переброску на советскую работу «снижением» и «затиранием» и затаил в себе глубокое чувство недовольства и обиды против ЦК ВКП(б) и персонально против И. В. Сталина [Обзорная 1955. Л. 5].

После чего его завербовал председатель Совнаркома СССР А. И. Рыков. И Кабаков приступил к подрывной заговорщической, вредительской и шпионской деятельности, чем и был занят круглые сутки на посту главы областной партийной организации:

Наша организация, действовавшая с самого начала в теснейшей увязке и взаимодействии с троцкистско-зиновьевской организацией, а в дальнейшем сблокировавшаяся с ней, представляла собой широко разветвленную организацию, проводившую подрывную вредительскую деятельность во всех отраслях народного хозяйства и на всех важнейших участках работы культурно-идеологического фронта в Свердловской области [Там же].

В жизнеописании И. Д. Кабакова нет ни строчки, характеризующей его служебную деятельность, домашний быт, нормальные человеческие отношения. Его окружают враги — и только они. И даже в интимных отношениях,

оказывается, он занимается исключительно дискредитацией высшего партийного руководства.

...начав с морального разложения, с пошлости и разврата, [И. Д. Кабакова и его подруга], не стесняясь меня, открыто вели себя как враги советской власти и партии, высказывали злобу и ненависть по адресу руководства ЦК ВКП(б) и лично Сталина [Там же. Л. 17], —

читаем мы в дополнительных показаниях свидетеля, включенных в следственное дело Кабакова. Допрашиваемый ни разу не высказался «мимо темы», заданной ходом следствия. Это совершенно ненормально. Более того, невозможно.

Обратим внимание на 45 листов машинописи, содержащих протокол одного-единственного допроса. По объему это небольшая повесть с единым сюжетом, завязкой (обида), кульминацией (подготовкой к контрреволюционному перевороту) и развязкой — разоблачением, арестом, признанием. Этой повести, однако, не хватает того, что отличает хорошую приключенческую литературу от плохой, — внимания к деталям, проработке характеров, в целом — фактуры. И у этой повести нет черновики. Рукописи протокола допроса не обнаружено.

В архивно-следственных делах 1937–1938 гг. часто встречаются такого рода тексты. У них, как правило, коллективное авторство. Показания главного механика завода № 19 Перми С. А. Гасельника писались на протяжении нескольких недель при участии как минимум трех человек: следователя П. М. Королева, начальника пермского горотдела НКВД В. Я. Леоцкого и начальника УНКВД по Свердловской области Д. М. Дмитриева. Участие подследственного заключалось в подписании все новых и новых вариантов. О том, как менялась фабула обвинения, обстоятельно доложил следователь П. М. Королев:

Показания, полученные мною от Гасельника, быв. нач. горотдела НКВД Леоцкий забраковал и заявил, что от Гасельника должны быть показания только как от шпиона, а не как троцкиста. При этом Леоцкий заметил мне, что как мог беспартийный Гасельник состоять членом правотроцкистской организации. Выполняя установку Леоцкого, я передопросил арестованного Гасельника в направлении занесения в протокол только шпионской деятельности.

Гасельник протокол подписал. Леоцкий протокол забраковал и взялся его писать самостоятельно.

Леоцкий писал протокол очень долго, причем у себя на квартире, неоднократно его перепечатывали и каждый раз, желая изобразить наиболее красиво тот или иной момент шпионской работы Гасельника...

Затем отвез «красивый протокол» в Свердловск, где выяснилось, что и беспартийный инженер может стать троцкистом.

Через некоторый промежуток времени Легоцкий выяснил в Управлении, что не записать показания Гасельника о его принадлежности к право-троцкистской организации будет неправильно и сказал мне в этом роде составить протокол. Составленный протокол Гасельника мне дважды возвращался Легоцким как плохо написанный. Затем Легоцкий, при корректировке его значительно урезав, всего на 3—4 страницах, которые также Гасельник подписал [Выписка 1938. Л. 122–125].

Информационная емкость подобных источников (обозначим их как «инквизиторские симулякры») минимальна. Они позволяют составить представление об инверсии следователяского его («что бы делал я на месте врага народа»), о внутренней механике карательной машины, профессиональных стереотипах. Но для антропологического исследования они бесполезны.

Работа с материалами «инквизиторской антропологии» предполагает постоянную критику. Но если удастся выделить те нарративы, которые доносят до нас живую, непосредственную, аутентичную человеческую речь, даже произнесенную под принуждением, у историка появляется шанс заглянуть в те области социальной жизни, которые при иных обстоятельствах недоступны. Свидетельствуя о себе, допрашиваемый невольно предъявит ментальные структуры, те «привычки мышления», которые неотделимы от его индивидуальности: свою манеру располагать себя и других во времени и пространстве, скрытые нормы, применяемые к оценке своего и чужого поведения. Позволит увидеть сам принцип выделения своих и чужих, смысл родства и дружественности.

Иногда приоткрывается то, что обычно сообщается только доктору, исповеднику или куратору из органов; события, которые не могли быть упомянуты ни в каком ином контексте, но являющиеся неотъемлемой частью повседневной жизни. На общем партийном собрании завода № 19 Наркомата тяжелой промышленности инженер Д. объяснял товарищам, что он сблизился с «женой-троцкисткой», выполняя чекистский долг:

В 31 г., когда мы снова сошлись, через 5 дней она была разоблачена и изъята⁷. После этого я жил с ней в соответствии с указаниями, которые я получал из соответствующих организаций [Стенограмма 1937. Л. 612].

Можно только предполагать, о чем доносил по начальству инженер-партиец — только ли о постельных и кухонных разговорах. Иногда «инквизитора» интересовали более интимные подробности:

Вопрос: Следствию известно, что когда Ф. проживал у Вас на квартире — ходил вместе с Вами в баню и вместе спал. Не предлагал он Вам совершить акт мужеложства?

Ответ: Да, действительно, когда Ф. проживал у меня на квартире, предложил мне совершить с ним акт мужеложства, я на это согласился и совершил с ним два акта мужеложства, т. е. использовал его два раза.

⁷ На служебном жаргоне ОГПУ — НКВД «изъята» означало арестована.

Следователь продолжает спрашивать: «Скажите, Ф. Вы пользовали в задний проход, или он имеет половые органы, аналогичные с женщиной?» Но свидетель уклонился от описания подробностей: «...не помню, как его пользовал, к тому же в то время я был молодой» [Протокол 1935b. Л. 22–23]⁸.

Главной практической трудностью при извлечении избыточной по отношению к следствию информации является то, что невозможно заранее предположить, где и в какой связи она может появиться. Ее поиск требует внимательного чтения больших объемов текста, написанного на скверной бумаге выцветшими чернилами трудночитаемым почерком. Но к этому обязывает стремление следовать антропологической парадигме.

Подчеркнем еще раз. Отождествление среднего и старшего начальствующего состава органов ОГПУ — НКВД с инквизиторами — не более чем метафора. Но у концепта «инквизиторская антропология» собственное сущностное содержание: фиксация черт человеческой субъективности в процессе принудительной объективации индивидов в качестве «скрытых чужих среди своих». В разные эпохи появляются категории «ересь», «контрреволюционность» (или, напротив «революционность», «нигилизм»), которые отличает то, что они не имеют точной эмпирически наблюдаемой локализации ни в поведенческих формах, ни в дискурсивных практиках, ни в определенных ячейках социальной структуры. Ересь и все ее аналоги вообще не свидетельствует о себе. Она молчит и таится. Более того, сами ее носители могут даже не догадываться о том, что являются еретиками. Извлечь ее может лишь квалифицированный трибунал — либо уполномоченный им следователь.

Обнаружить ересь можно лишь по невнятным следам, незаметным профану уликам, странным симптомам, в совокупности охватывающим все индивидуальные проявления. Именно поэтому подобные «инквизиторские» разыскания бесценны для историков, исследующих те эпохи, где иных видов антропологии не существовало.

Остается добавить, что при этом невозможно игнорировать и этический аспект подобной деятельности. В подавляющем большинстве случаев внимание «инквизитора» подобно вспышке блица, на мгновение вырывающей из тьмы фигуру человека — ровно для того, чтобы вслед за этим уничтожить даже память о нем. Каждый исследователь, обращающийся к этим свидетельствам, не в праве ни на минуту забыть о том, что перед ним буквально «последние слова подсудимых». Применительно к 1930-м годам будет справедливым признать, что, в отличие от В. Н. Фигнер, никто из них не сможет впоследствии включить эти «последние слова» в свои мемуары.

Таким образом, «инквизиторская антропология» представляет собой сумму практик, осуществляемых карательными органами с целью разоблачения скрытого врага, воплощающего силы зла, будь то пособник дьявола или троцкист, он же шпион, фашист и враг народа. В эти практики входили наблю-

⁸ Несмотря на произошедшую в СССР криминализацию гомосексуализма, по отношению к итогам следствия это явно маргинальный сюжет. Обвинение будет касаться только участия подследственного в контрреволюционной церковно-монархической организации (Истинно-православная церковь); уличение в гомосексуальности является просто способом давления на него.

дение, агентурное осведомление, работа с доносами частных лиц, допросы подозреваемых и сбор свидетельских показаний. И все эти практики документировались. Тело репрессированного индивида словно замещалось бумажно-бюрократическим дубликатом. Но добраться до самого исторического актора современный историк может только с помощью созданных инквизитором казенных бумаг.

Согласимся с авторитетным мнением М. Фуко — в современных обществах знание и власть совпадают до полной неразличимости. А следовательно, человек должен признаваться — врачу, психоаналитику, социальному работнику. Вокруг этого императива формируется научный дискурс, особенно гуманитарный. Антропология в ее «инквизиторской» форме присутствует в обществах, либо еще не создавших научных институций, либо их разрушивших, но нуждающихся в знании-власти. Когда-то один из авторов с удивлением узнал о том, что археологи, исследуя памятник культуры, зачастую неизбежно и бесповоротно его уничтожают. Потому что иначе нельзя. Это как раз и можно считать прямой аналогией с деятельностью инквизиторов. Грубо и бесцеремонно они вторгались в человеческое «Я», разрушая его, но оставляя после себя комплекс эго-документов.

Источники

Архивные

- Выписка 1938 — Выписка из протокола допроса Королева Павла Михайловича. 25 июня 1938 года // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12267. Л. 121–126.
- Дополнительные 1934 — Дополнительные показания Белоусова Никиты Васильевича от 25 июня 1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 24–128.
- Котельников 1932 — *Котельников И.* Кончина мира // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8768. Т. 1. Л. 339–354.
- Машинописная 1933 — Машинописная копия показаний Котельникова Ивана Ивановича от 21 февраля 1933 года. ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 72–77.
- Обзорная 1955 — Обзорная справка по делу Кабакова И. Д., архивно-следственное дело № 967277 в 3-х томах. 3.06.1955. Экз. № 2 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10115. Т. 2. Л. 4–22.
- Протокол 1935а — Протокол допроса обвиняемого Крылова Н. И. от 7 декабря 1935 года // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 4. Л. 38–39.
- Протокол 1935б — Протокол допроса свидетеля Ширинкина Дмитрия Алексеевича от 30 декабря 1935 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 9. Л. 22–23.
- Протокол 1937 — Протокол допроса свидетеля Кошеварова Валентина Николаевича от 12 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16935. Л. 21.
- Протокол 1938 — Протокол №3 общего партийного собрания парторганизации при Кизеловском Горотделе НКВД. 26.07.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 82. Л. 49–42.
- Стенограмма 1936 — Стенограмма V-ой Пермской городской партийной конференции. 7–8.07.1936. Т. 1. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1100.
- Стенограмма 1937 — Стенограмма общезаводского партийного собрания Сталинского района. 13–17.04, 19–27.04.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 817. Оп. 1. Д. 47.

О п у б л и к о в а н н ы е

- Иванова-Борейшо 1927 — *Иванова-Борейшо С. А.* Первая типография «Народной Воли» / [Авт. вступ. ст. Ф. Морейнис-Муратова]. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1927.
- Катаева 1978 — Дневники и письма комсомольцев / Сост. М. Л. Катаева. М.: Мол. гвардия, 1978.
- Норов 1914 — Война и мир 1805–1812 с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника: по поводу соч. гр. Л. Н. Толстого «Война и мир» / [Соч.] А. С. Норова. СПб.: О-во потомков участников Отечественной войны, 1914.
- Старовский 1956 — *Старовский В.* В Совет Министров СССР. О численности населения СССР. [21.01.1956] // Демоскоп Weekly. 2015. 21 сент. — 4 окт. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/архив06.php>.
- Тихомиров 1930 — *Тихомиров Л.* Заговорщики и полиция = Conspirateurs et policiers / Пер. с фр. О. Жемчужиной; Под ред. П. Анатольева. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930.
- Фигнер 2019 — *Фигнер В. Н.* Воспоминания: В 3 т. Т. 1. СПб.: Изд. инициатива because АКТ, 2019.
- Mehnert 1932 — *Mehnert K.* Die Jugend in Sowjetrussland. Berlin: S. Fischer, 1932.

Л и т е р а т у р а

- Алеврас 2014 — *Алеврас Н. Н.* Историографический текст как эго-документ: к постановке и обсуждению подхода // История в эго-документах: Исследования и источники / [Гл. ред. Н. В. Суржикова]. Екатеринбург: АСПУр, 2014. С. 41–54.
- Бендерский б. д. — *Бендерский И.* [И.] От скандала к канону: [Транскрипт лекции] // Магистерия: Образовательный сайт ... URL: <https://magisteria.ru/war-and-peace/from-scandal-to-canon>.
- Блюм 2011 — *Блюм А.* Администраторы, научные элиты и отношения с властью / Пер. с фр. // История сталинизма: Итоги и проблемы изучения: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 5–7 декабря 2008 г. / [Под ред. Й. Баберовского и др.]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. С. 78–92.
- Гинзбург 2000 — *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / Пер. с итал. М. Л. Андреева, М. Н. Архангельской. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2000.
- Грин 2010 — *Грин Т.* Инквизиция: царство страха: сколько правды стоит за чудовищными легендами? / Пер. с англ. Н. И. Смирновой. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2010.
- Зеленина 2018 — *Зеленина Г. С.* Огненный враг марранов: жизнь и смерть под надзором инквизиции. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
- Кабацков, Лейбович 2019 — *Кабацков А. Н., Лейбович О. Л.* Субъективный образ социальной структуры советского общества в дневниках А. И. Дмитриева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1. С. 15–22.
- Колчанова 2017 — *Колчанова Ю. С.* «Не личная выгода меня держала здесь...»: жизненные миры советских инженеров в 1930-е гг. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2017.
- Ле Руа Ладюри 2001 — *Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю, окситанская деревня (1294–1324) / Пер. с фр. В. А. Бабинцева, Я. Ю. Старцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
- Лейбович 2018 — *Лейбович О. Л.* Следственные фальсификаты об истоках большого террора // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. 25 / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Б. Меннинг, А. Ю. Полунов, П. Чейсти. М.: Модест Колеров, 2018. С. 173–201.

- Льоренте 1936 — *Льоренте Х. А.* Критическая история испанской инквизиции. Т. 1 / Пер. под ред. С. Лозинского. М.: Соцэкгиз, 1936.
- Панченко 2001 — *Панченко А. А.* Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы // *Живая старина*. 2001. № 1. С. 7–9.
- Тогоева 2016 — *Тогоева О. И.* Еретичка, ставшая святой: Две жизни Жанны д'Арк. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- Троицкий 2014 — *Троицкий Ю. Л.* Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // *История в эго-документах: Исследования и источники* / [Гл. ред. Н. В. Суржикова]. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 14–31.
- Хархордин 2002 — *Хархордин О. В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: Европ. ун-т в С.-Петербурге; Летний сад, 2002.
- Хелльбек 2017 — *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / Авторизов. пер. с англ. С. Чачко; Науч. ред. А. Щербенюк. М.: Нов. лит. обозрение, 2017.
- Щербакова 2008 — *Щербакова Е. И.* «Отщепенцы»: Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008.
- Ginzburg 1990 — *Ginzburg C.* Inquisitor as anthropologist // *Ginzburg C. Clues, myths, and the historical method*. Baltimore; Maryland: Johns Hopkins Univ. Press, 1990. P. 156–164.

References

- Alevras, N. N. (2014). Istoriograficheskiy tekst kak ego-dokument: k postanovke i obsuzhdeniiu podkhoda [The historiographical text as an ego-document: Towards a framework and discussion of the approach]. In N. A. Surzhikova (Ed.). *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniia i istochniki* (pp. 41–54). AsPUr. (In Russian).
- Benderskii, I. [I.] (n. d.). Ot skandala k kanonu [From Scandal to Canon]. *Magisteriia: Obrazovatel'nyi sait* ... <https://magisteria.ru/war-and-peace/from-scandal-to-canon>. (In Russian).
- Blium [= Blum], A. (2011). Administratory, nauchnye elity i otnosheniia s vlast'ju [Administrators, scientific elites and power relations]. In J. Barberowski et al. (Eds.). *Istoriia stalinizma: Itogi i problemy izuchenii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 5–7 dekabria 2008 g.* (pp. 78–92). Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN); Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina”. (In Russian).
- Ginzburg, C. (1976). *Il formaggio e i vermi. Il cosmo di un mugnaio del '500*. Einaudi. (In Italian).
- Ginzburg, C. (1990). *Clues, myths, and the historical method*. Johns Hopkins Univ. Press.
- Green, T. (2007). *Inquisition: The reign of fear*. Macmillan Press.
- Hellbeck, J. (2006). *Revolution on my mind: Writing a diary under Stalin*. Harvard Univ. Press.
- Kabatskov, A. N., & Leibovich, O. L. (2019). Sub"ektivnyi obraz sotsial'noi struktury sovetskogo obshchestva v dnevnikh A. I. Dmitrieva [The subjective image of the social structure of Soviet society in A. I. Dmitriev's diaries]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta, Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019(1), 15–22. (In Russian).
- Kharkhordin, O. V. (2002). *Oblichat' i litsemerit': genealogiia rossiiskoi lichnosti* [Denounce and dissemble: A genealogy of Russian identity]. Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge; Letnii sad. (In Russian).
- Kolchanova, Iu. S. (2017). “Ne lichnaia vygoda menia derzhala zdes'...”: Zhiznennye miry sovetskikh inzhenerov v 1930-e gg. [“It wasn't personal gain that kept me here...”: The life worlds of Soviet engineers in the 1930s]. Perm. gos. in-t kul'tury. (In Russian).
- Le Roy Ladurie, E. (1975). *Montaillou, village occitan de 1294 à 1324*. Gallimard. (In French).
- Leybovich, O. L. (2018). Sledstvennye fal'sifikaty ob istokakh bol'shogo terrora [Investigators' forgeries on the origins of the Great Terror]. In O. R. Airapetov, M. A. Kolerov, B. Menning, A. Iu. Polunov, & P. Cheisti [= Chaisty] (Eds.). *Russkii Sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii* (Vol. 25, pp. 173–201). Modest Kolerov. (In Russian).

- Llorente, J. A. (1815). *Histoire critique de l'inquisition d'Espagne, depuis l'époque de son établissement par Ferdinand V...* Paris. Treuttel et Würz. (In French).
- Panchenko, A. A. (2001). Inkvizitory kak antropologi, antropologi kak inkvizitory [Inquisitors as anthropologists, anthropologists as inquisitors]. *Zhivaia starina*, 2001(1), 7–9. (In Russian).
- Shcherbakova, E. I. (2008). "Otshchepentsy": Put' k terrorizmu (60–80-e gody XIX veka) ["Renegades": The road to terrorism (1960s–80s)]. *Novyi Khronograf*; AIRO-XXI. (In Russian).
- Togoeva, O. I. (2016). *Eretichka, stavshaia sviatoi: Dve zhizni Zhanny d'Ark* [Heretic turned saint: Two lives of Joan of Arc]. Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).
- Troitskii, Iu. L. (2014). Analitika ego-dokumentov: instrumental'nyi resurs istorika [Ego-document analytics: The historian's instrumental resource]. In N.A. Surzhikova (Ed.). *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniia i istochniki* (pp. 14–31). AsPUr. (In Russian).
- Zelenina, G. S. (2018). *Ognennyi vrag marranov: zhizn' i smert' pod nadzorom inkvizitsii* [The fiery enemy of the Marranos: Life and death under the watchful eye of the Inquisition]. Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Олег Леонидович Лейбович

*доктор исторических наук
профессор, заведующий кафедрой
культурологии и философии, Пермский
государственный институт культуры
Россия, 614000, Пермь, ул. Газеты Звезда,
д. 18
Тел.: +7 (342) 212-65-52
✉ oleg.leibov@gmail.com*

Oleg L. Leybovich

*Dr. Sci. (History)
Professor, Head of Department of Cultural
Studies and Philosophy, Perm State Institute
of Culture
Perm, Gazety Zvezda Str., 18
Tel.: (342) 212-65-52
✉ oleg.leibov@gmail.com*

Александр Игоревич Казанков

*кандидат философских наук
доцент, кафедра культурологии
и философии, Пермский государственный
институт культуры
Россия, 614000, Пермь, ул. Газеты Звезда,
д. 18
Тел.: +7 (342) 212-65-52
✉ tokugava2005@rambler.ru*

Alexander I. Kazankov

*Cand. Science (Philosophy)
Associate Professor, Department of Cultural
Studies and Philosophy, Perm State Institute
of Culture
Perm, Gazety Zvezda Str., 18
Tel.: (342) 212-65-52
✉ tokugava2005@rambler.ru*